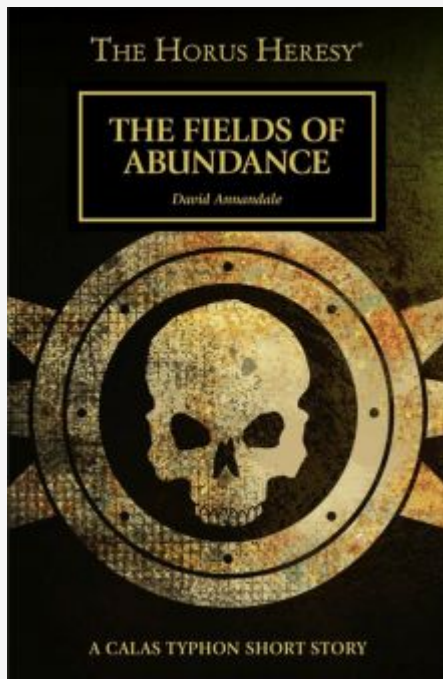

Поля изобилия / The Fields of Abundance (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Поля изобилия / The Fields of Abundance (рассказ)

Автор	Дэвид Аннандейл / David Annandale
Переводчик	Luminor
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Коса жнеца обрушилась на мир под названием Яспис. Защитники планеты ожидали вторжения, и всё же, подумал Тифон, не сумели предвидеть реальности происходящего. Ни один мир был не в силах подготовиться к пришествию Гвардии Смерти.

Яспис считал, будто готов ко всему. Местное население знало, что XIV легион направляется в их сторону. Богатый ресурсами и верный Ложному Императору мир, располагавшийся на прямом пути

Мортариона через Галактику, ожидал вторжения и планировал противостоять ему. Яспис мог похвастаться хорошей обороной: ряды артиллерийских платформ на орбите, крепкие стены вокруг важнейших городов и многомиллионная армия, хотя в стратегическом плане мир не обладал достаточной важностью, чтобы получить хоть какую-то защиту со стороны верных Трону легионов Астартес.

Против Гвардии Смерти все оборонительные меры до единой оказались бесполезными. «Терминус Эст» смёл артиллерийские платформы с небес, отправив их на поверхность градом пылающих обломков. Огонь, пронзивший небеса Ясписа, послужил фанфарами объявления войны и увертюрой к грядущим разрушениям. Следом за огнём небеса прочертили тёмные инверсионные следы, когда корабль выпустил смертоносный дождь десантных капсул и транспортных челноков.

Тогда жатва началась по-настоящему.

Спустя неделю после того, как линкор Тифона пересёк границы системы Яспис, агония планеты вступила в завершающую фазу. Сколь бы впечатляющей ни была местная промышленная база, она не уменьшила ни блеска городских шпилей, ни прозрачной ясности атмосферы. Всё изменилось после массированных, продолжительных и широкомасштабных бомбардировок радиационными и химическими боеприпасами. Леса Ясписа сгорели, пылали и моря, залитые неконтролируемыми разливами прометия. Пепел и дым окрасили небо в чёрный цвет, а мутный воздух наполнился ядами.

Посреди бушующей бури, наперекор могучему ветру, прорезавшему маслянисто-коричневые миазмы, Тифон возглавил атаку на планетарную столицу Политу. Орудийные залпы «Василисков» разрушили стены, и фаланги Гвардейцев Смерти рассредоточились по главным бульварам при поддержке «Лэндрейдеров-Спартанцев» и грохочущих танковых соединений. Тифон не собирался захватывать город. Он пришёл, чтобы сровнять его с землёй.

Сровнять с землёй. Снести. Стереть с лица планеты. Таковы были приказы Мортариона, и первый капитан передал их всей своей великой роте. Цивилизация Ясписа закончит своё существование, сгинет ещё одна болезнь лоялизма. Гвардия Смерти захватывала необходимые для флотских сил ресурсы и оставляла после себя лишь почерневшее пепелище, бесполезное для любой силы, которая в ином случае могла бы подумать об освобождении планеты.

Сровнять с землёй. Снести. Стереть с лица планеты.

Да, процесс грабежа и уничтожения шёл полным ходом. Тифон позаботился о том, чтобы всё, что было здесь до его прибытия, исчезло на веки вечные.

И всё же...

Первый капитан не мог игнорировать голоса внутри, увещевавшие, будто бы существуют доступные ему возможности, которые куда глубже, сложнее и намного богаче простого уничтожения.

И прямо сейчас он вкушал эти самые богатства. Отделения под командованием первого капитана продвигались сквозь граничивший с жилой зоной промышленный сектор. Защитники Ясписа отступали под натиском Гвардии Смерти, но продолжали вести непрерывный оборонительный огонь. Бесчисленные тысячи новобранцев в лёгкой броне поддерживали дивизии Солярной Ауксиллии, солдаты которой представляли собой мрачные фигуры в тёмных панцирях. Впрочем, усиленная защита и яростная решимость последних едва ли могли остановить прилив XIV легиона, и каждый из их залпов способствовал разве что разрушению окрестных зданий. Тифон маршировал между бушевавших с обеих

сторон длинных языков пламени, ревущих и быстро распространяющихся. Фабрика располагалась на вершине приземистого плато, и когда первый капитан шагнул вперёд, испепеляя с помощью наручного огнемёта медлительных и безрассудных, он распознал в строениях по правую руку высокие, напоминающие колонны насосы завода по переработке отходов.

Калас отдал приказ произвести танковый залп, и несколько мгновений спустя в завод врезались снаряды. Насосы рухнули, поверженные гиганты упали прямиком в свои погребальные костры. Стены громадной сдерживающей плотины начали разрушаться.

Тифон поспешил к самому краю плато, дабы узреть деяния рук своих. Чудовищная волна тёмной, зловонной воды с рокотом покатила вниз по склону. В ней тонули вражеские войска, опрокидывались бронетранспортёры и танки. Ударив о дно плато, грязная вода устремилась пятиметровой волной по направлению к жилому сектору. Удар волны разрушил жилые башни, и наводнение распространилось дальше по улицам. Вонь, густая и приторная, прорезалась сквозь едкий дым.

Первый капитан остановился, желая насладиться этой сценой. Он сотворил опустошение, столь дивное и радующее взор, а большая часть Политы обратилась в развалины. Но затопленные руины — совсем не то же самое, что горящие. Теперь этот сектор был непригоден для использования и смертельно опасен для тех, кто в нём находился. За этим последует куда более медленное опустошение, постепенная череда смертей и страданий, умножаемых заражением и инфекциями. Благодаря громадной волне сточных вод он покончил с былой идентичностью сектора, но породил нечто иное. Калас Тифон не просто сровнял сектор с землёй, он добился гораздо большего; вода, отравленная и грязная, являла собой инструмент его творения. После ухода Тифона вспыхнут эпидемии болезней, и над Ясписом забрезжит рассвет новой, разьедающей всё и вся, жизни. Он уничтожал планету в соответствии с приказаниями Мортариона, но вместе с тем преображал её. Эти два акта вовсе не были несовместимыми.

Уже не в первый раз Калас Тифон смотрел на то, что сотворил, и сознавал, насколько это важно.

Спустя несколько часов первый капитан узрел другое опустошение, и эта разница побудила его к иному действию, иному виду трансформации.

Его отделения завершили своё смертоносное наступление по дуге и соединились с остальными подразделениями Первой великой роты, зачищая предварительно намеченные участки и тем самым завершая фазу операции, которая длилась два дня и две ночи без перерыва. Вражеские силы были разбиты, и оставшаяся часть Ясписа открылась для окончательного уничтожения. Тифон объявил о привале на остаток ночи; небольшой отдых позволит его бойцам организовать тотальное уничтожение позже.

Одним из последних подразделений, которые ещё не присоединились к основным силам, стало отделение под командованием сержанта Невака. К этому времени практически вся Полита обратилась в развалины, и Невак взял в кольцо осады псайкерское гетто. Он и его люди уничтожали здание по частям с жестокой, методичной эффективностью. Языки огня вылетали из окон, мерцающие облака пламени огнемётов Гвардейцев Смерти бушевали в залах.

Калас Тифон наблюдал за работой Невака в полном одиночестве, стоя на вершине кучи щебня напротив гетто. В течение часа от строгого скалобетонного здания не осталось ничего. Невак наполнил его залы фосфексом, испепелив всех, кто пережил шипящую жёлто-зелёную смерть в образе огнемётного пламени, а затем сровнял строение с землёй.

Тифон не мог осуждать тактику Невака. Сержант исполнял именно то, что было приказано. Он выполнил

свою задачу, не оставив ничего живого, ничего стоящего, никакого будущего для области, которой ему поручили заняться.

Успешность его действий была безупречной. Как и методичность. Тифон улыбнулся при этой мысли. Всё правильно. Коса атаки Невака сияла безупречным серебром. Он оставил за собой мёртвую и очищенную землю.

Очищенную.

Да, действия сержанта и впрямь выглядели безупречно, и *это* обеспокоило Тифона. Методичность Невака не оставляла места для иных, более грязных, более глубоких и духовных удовольствий опустошения.

Другие не увидели бы в этом проблемы. Первый капитан сомневался, что сам Мортарион заметил бы её. Но он, первый капитан Калас Тифон, сумел. И понял, что настала пора действовать.

Первый капитан Тифон устроил свой командный центр неподалёку от псайкерского гетто, среди развалин дворца Администратума. Колонны и своды доходили до отсутствующей теперь крыши, остатки стен торчали кособокими памятниками мёртвому городу. Тифон вызвал Невака, желая встретиться с ним в призрачном подобии центрального зала, где ветер завывал меж скоплениями щербатых колонн. Стена, выходившая на север, по большей части уцелела, если не считать круглой дыры в шесть метров диаметром, зиявшей на том самом месте, где в прошлом располагался витраж. За отсутствующим окном мерцали отблески пламени и пролетали пепельные хлопья. Тифону пришёлся по душе эффект, наблюдаемый через пустую раму. Зрелище наводило на определённые мысли.

В полном одиночестве он наслаждался пляской мрака и мерцающих огней через окно, когда появился Невак со шлемом под мышкой.

— Первый капитан, — поприветствовал Тифона сержант, отдавая честь.

Тифон кивнул и взгляделся в лицо Невака, обдумывая, что и как должен сказать. Он ощутил волнение, пришедшее с осознанием рисков.

Мортарион осудил бы то, что собирался сделать Тифон. Первого капитана это не волновало. Его действиями управляли силы куда более могущественные, нежели примарх. Этой ночью дул ещё один ветер, который мог чувствовать разве что первый капитан, однако сила его могла пронестись по всей Галактике. Он принял эту силу. Ветер поднял его и направил на тот путь, что был уготован человеку по имени Калас Тифон. Его ожидали новая ясность, сосредоточенность и отточенность цели. Форма опустошения, которую он избрал для Ясписа, была лишь первой частью задачи, которую он взял на себя во имя своего бога. Обращение других станет следующим шагом.

Невак, по мнению Тифона, выглядел напряжённым. Его челюсти были крепко сжаты, сухожилия на шее выпирали. На бритом черепе пульсировала вена. Он не был похож на воина, только что одержавшего победу.

— Ты и твои люди поработали на славу, — начал Тифон. — Там, где вы прошли, больше ничто не встанет.

— Аннигиляция — это минимум, которого я добивался, первый капитан.

В его голосе чувствуется нечто большее, чем простое напряжение, подумал Тифон. Гнев тоже. И ненависть, пожалуй. Все эти чувства весьма любопытны и нуждаются в изучении.

— Выглядишь обеспокоенным, брат, — заметил Тифон. — Что-то пошло не так?

Невак покачал головой.

— Мы добились успеха по всем фронтам.

— Но... — подсказал Тифон.

Невак поморщился.

— Неважно, — ответил он. — Это пройдёт. Просто временная реакция на последнюю часть миссии, вот и всё.

— Гетто для псайкеров?

— Да, — согласился Невак. — Такая концентрация ведьминского отродья. Моё отвращение к ним не знает границ. Оно сохраняется на какое-то время даже после их полного уничтожения. — В его словах присутствовала такая страсть, что Тифон услышал предательский звон ненависти к самому себе.

Первый капитан сохранял бесстрастное выражение лица, но про себя он улыбался. Демонстративная брезгливость Невака была слишком хорошо отработанной. Да, она соответствовала искренней ненависти Мортариона к псайкерам, но Тифону удалось прочесть правду в лице Невака. Перед ним стоял истинный человек противоречий.

«Он изо всех сил стремился подавить правду о том, кто он есть». Тифон не понаслышке был знаком с подобным состоянием. Действуя крайне осторожно, он сбросил ментальный щит, выстроенный им вокруг своего внутреннего естества, и его психический разум потянулся к Неваку. Энергии варпа шептались меж собой достаточно тихо, чтобы некто, нечувствительный к их присутствию, заметил это.

Невак вздрогнул. В его глазах появились напряжённость и настороженность.

«Ты примешь то, что ты есть, до следующего рассвета, сержант».

С каждым мгновением Тифон всё отчётливее видел свой дальнейший путь. Ему было суждено нечто величественное. Пришлось приложить определённые усилия, чтобы скрыть свой восторг. Он постарался изобразить на лице выражение товарищеской заинтересованности.

— Я понимаю твои чувства, — заметил он. — И, надеюсь, ты понимаешь, что со мной ты можешь говорить свободно. Эта война — великое странствие, что приведёт к глубоким переменам в природе Галактики и в нас самих. Впереди трудные, но вместе с тем — чудесные времена.

— Трудные времена бывали и прежде, — отозвался Невак. — И в будущем будет так же.

— Совершенно верно, брат. В глобальном масштабе, как и в личном. И, знаешь ли, именно в связи с грандиозным характером борьбы я и хотел потолковать с тобой.

— Вы оказываете мне честь, — произнёс Невак, на сей раз выглядя озадаченным. — Но...

— ...почему именно ты и почему сейчас? — закончил Тифон вопрос сержанта. — На самом деле, по воле случая. Из-за контраста, который я заметил этой ночью между нашими подходами к войне и, в частности, к опустошению.

— Если я в чём-то ошибся... — встревоженно начал Невак.

Тифон перебил сержанта, отмахнувшись от его беспокойства.

— Вовсе нет. Никто не упрекнёт тебя в твоей суровости, — улыбнулся первый капитан. — И, уж конечно, точно не я. Скорее, ты сможешь придраться к моему заявлению о долге. — Он сделал паузу, останавливая Невака на пороге полного замешательства. — Хотя, — продолжил Тифон, — я думаю, что в конце концов, ты этого делать не стал бы.

— Конечно, не стал бы, — быстро заявил Невак.

— Побалуй меня, — ухмыльнулся Тифон. — Чисто теоретически, давай притворимся, что тебе этого хочется.

— Но зачем мне?..

— Потому что, как мне кажется, у нас с тобой разные представления о значении разрушения. Опустошения. О самой природе того, что мы делаем на Яписе и в других местах.

Теперь в глазах Невака заиграла осторожность на грани подозрения.

— Я не понимаю, как это вообще возможно.

— Успокойся, сержант. Я не предлагаю тебе ничего, что может посеять раздор. Я знаю, что твоя преданность лорду Мортариону не подлежит сомнению. — Он улыбнулся улыбкой лжеца. — Я хотел бы тебе кое-что показать. Думаю, тебе будет небезынтересен этот контраст, а возможно, даже полезен.

— Полезен? — спросил Невак с неуверенностью и настороженностью.

— Ну, поучителен, — поправился Тифон.

Тифон вывел Невака из разрушенного дворца к «Грозовому орлу», стоявшему на потрескавшемся скалобетоне широкой площади. Легионеры поднялись на борт — за исключением пилота, они были одни.

— Куда мы направляемся?

— В Саппир. — Этот город, куда меньший, чем Полита, стал одним из первых поселений, раздавленных катком Гвардии Смерти. Он погиб из-за близости к крупному космическому порту и центральным предприятиям по добыче прометия. Высадиться в этом секторе означало уничтожить большую часть промышленных мощностей Яписы одним ударом и в значительной степени лишить врага возможности что-либо вывести с планеты или же доставить на её поверхность. Разрушение самого Саппира было лишь запоздалой мыслью после уничтожения его промышленности.

За исключением того способа, который Тифон избрал для истребления местного населения. Он увидел возможность побаловать себя, последовать побуждениям шёпота, который исходил как изнутри, так и снаружи, назойливый, словно жужжание мухи. Он прислушивался к голосам и внутреннему убеждению. А теперь первый капитан вернулся, чтобы лицезреть дела рук своих, а также чтобы предоставить Неваку возможность стать свидетелем оных.

Следуя указаниям Тифона, «Грозовой орёл» облетел Саппир, предоставив легионерам отменный обзор всего поселения через открывающуюся рампу, прежде чем приземлиться на окраине города. Тифон и Невак спустились по трапу «Орла» и направились в сторону развалин. Саппир лежал в руинах, но они здорово отличались от того, во что превратилась большая часть Политы. Саппир располагался в долине,

в тени плотины гидроэлектростанции. Тифон разрушил плотину и затопил долину целиком, превратив её в стоячее озеро. Химические и радиационные бомбардировки нефтеперерабатывающих заводов и источников водоснабжения довершили дело. Войскам Гвардии Смерти практически не потребовалось пересекать границы города на начальных этапах вторжения. Вся оборона была затоплена, и сражаться было не за что. Вместо этого Саппир стал своего рода лабораторией, демонстрацией и философским исследованием.

Теперь же Тифон видел в нём ещё и что-то вроде произведения искусства. Он гордился тем, что показал Неваку, гордился тем, во что превратился город. С некоторого расстояния Саппир выглядел как куча покосившихся, сломанных сооружений, прижавшихся друг к другу во мраке. Ближе разбитые стены приобретали иную текстуру — с инкрустацией из мерзких, сочащихся наростов.

Легионеры шли вброд по затопленной центральной улице, задевая ногами органический мусор. Вода была чёрной и густой от слизи и яиц насекомых.

— Что ты думаешь насчёт гибели Саппира?

Штурм Ясписа начался всего лишь несколькими днями ранее. Тем не менее, перемены в лежавшем перед Гвардейцами Смерти городе были огромны.

— Для этого поселения прошла целая эпоха, — ответил Невак.

Тифон улыбнулся, довольный ответом. Саппир сможет вернуться к прежнему состоянию не больше, чем любое другое место на Ясписе. Но здесь не царила могильная тишина. Саппир умирал медленно и со стонами, его затянувшаяся агония казалась многомерной. Из окон и дверей, из разрушенных домов и жилых кварталов, со всех уголков города доносилась музыка стенаний, мольбы, кашля и рвотных позывов. Над разлагающимися телами, из которых далеко не все были мертвы, жужжали целые тучи мух. Болезнь пришла в Саппир, и власть её была абсолютной.

— Совершенно верно, — ответил Тифон Неваку. — *Прошла* целая эпоха. Представь, что у нас с тобой была бы роскошь свободного времени когда-нибудь вернуться в сектор, который мы завоевали сегодня. Мог бы ты сказать о нём то же самое?

— Нет, — промолвил Невак.

— Нет, — повторил Тифон. — А почему? Время для него остановилось. Он вечно будет оставаться таким, каким ты оставил его. А вот здесь время не остановилось.

— Почему продолжительность течения времени так важна? — спросил Невак.

— Всё дело в возможностях. Потому что теперь время может быть отмечено новыми фазами страдания и опустошения, которые продолжаются и продолжаются. Можешь ли ты сказать, что Саппир пострадал меньше, чем другие районы Ясписа?

Они достигли того, что когда-то было центральной площадью города. Из воды поднимались груды тел высотой в пять и более метров. Жужжание мух звучало устойчивой органной нотой. Пальцы незримого музыканта дёрнулись в сторону, и к хору отчаяния добавился тихий человеческий стон. Мёртвых и умирающих собрали вместе и бросили. Ни у кого из живых не осталось ни сил, ни возможностей, чтобы распорядиться телами каким-либо иным способом. В Саппире больше не будет ни захоронений, ни кремаций. Вместо них теперь властвовали только гниение и распад.

Невак неторопливо оглянулся, оценивая, во что превратился город.

— Страдания, — промолвил он, уловив слова Тифона, в глазах сержанта читалось потрясение, но вместе с тем — алчное удивление. — Опустошение... — он выдержал паузу, — ...оно кажется *большим*, чем то, что сделал я. Более полным, потому что сохранились останки.

— Ты видишь контраст, — пояснил Тифон. — Опустошение здесь тотальное, но оно всё ещё продолжается.

Он пересёк площадь в направлении востока, держа путь к большому строению, что возвышалось над этой стороной площади. Судя по более богатой архитектуре, это была ратуша. Широкие ступени вели к её главному входу, а первый этаж располагался чуть выше уровня паводковых вод. За дверным проёмом виднелась ротонда шириной в полторы сотни метров, окружённая со всех сторон статуями. Облачённые в аристократические одеяния фигуры держали в руках свитки и предостерегающе вздымали персты к небесам, не обращая внимания на окружавшее их убожество.

Когда легионеры вошли внутрь, они увидели именно то, чего и ожидал Тифон. Смертные устремились сюда в поисках убежища и спасения, их было много. Здесь они и останутся до самого конца, на сей раз не по выбору, но из-за слабости и апатии. Спасение, которого они жаждали, искать здесь было бесполезно. Вместо этого их приветствовало неумолимое, мучительное братство в агонии. Люди цеплялись друг за друга в своём горе. Многие из них царапали товарищей по несчастью, сжимали в болезненных хватках, требуя помощи, которую никто здесь дать не мог. Поглощённые бездной собственных страданий смертные пытались отстраниться от тех, кого некогда любили, но ни у кого не осталось достаточно сил, чтобы освободиться.

Люди, равно как и тряпье, в которое они были одеты, выглядели грязными. Серые от лихорадки и покрывавшей их мерзости, смертные напоминали увесистых, раздувшихся личинок. Плоть их усеяли многочисленные пустулы, толстые и перекрывающие друг друга. Они лопались с заметным хлопком, разбрызгивая во все стороны едкий зеленоватый гной. Покрытые панцирем из фурункулов языки свисали из пересохших ртов. Кое-где валялись кучи заплесневелой, гниющей пищи, полной слизи и засиженной мухами. Несколько больных пытались съесть её, но от одного лишь вкуса их выворачивало чёрной желчью.

Те люди, что оставались в сознании и ещё могли двигаться, заскулили от страха при виде легионеров Гвардии Смерти. Они отпрянули от Тифона и Невака с расширенными от ужаса глазами. Смертные рыдали и выкрикивали бессвязный бред, в котором смешивались мольбы о пощаде и молитвы.

Невак не мог оторвать взгляда от дрожащих, корчащихся созданий перед ним.

— Но мы ведь были здесь всего несколько дней назад, — протестующе начал он.

— Ты задаёшься вопросом «как всё могло зайти настолько далеко, да ещё и так быстро»? Таков дар варпа, брат. Дар, которого требует избегать наш примарх.

Тифон медленно обошёл ротонду, лениво осматривая людей и вникая во все детали своей работы. Он не произнёс ни слова, пока не совершил практически полный обход зала. Невак последовал его примеру, и первый капитан понял, что наглядный урок в виде демонстрации сержант усвоил. Младший по званию товарищ Тифона казался куда менее напряжённым и гораздо более задумчивым, чем после боёв в планетарной столице.

Тифон остановился перед мужчиной и женщиной. Они лежали бок о бок и, возможно, когда-то были

парой. Ни один из них больше не осознавал этого. Дыхание умирающих стало медленным, затруднённым и влажным. Густая зеленоватая жижа сочилась из уголков их ртов, просачиваясь между потрескавшимися, гноящимися губами. Желтовато-серый гной склеил их веки, в глазницах извивались крошечные полупрозрачные черви. Животы людей раздулись, конечности покрывали струпья и язвы, а под воспалёнными сводами пустул что-то шевелилось.

— Скажи-ка мне, что ты видишь, — велел Тифон. Он махнул рукой в воздухе над парой, и облачко насекомых закружилось в точном соответствии с ленивыми движениями его руки.

— Я вижу опустошение, — произнёс Невак. — В точности так, как вы и сказали, первый капитан. Враг уничтожен полностью, как если бы город был выжжен пламенем.

— Что ещё? — не унимался Тифон. — Мне кажется, ты видишь больше, чем простую разницу между разложением и выжженной землёй.

Невак неторопливо кивнул, и глаза его сияли. Сержант немного помедлил, прежде чем ответить.

— Распад... — промолвил он наконец. Сержант отвернулся, и Тифон наблюдал за тем, как его товарищ любит извивающейся, жужжащей, пожирающей жизнью, что вытекала из тел больных. — Распад — это чудо. Это расцвет.

Тифон вздохнул, смакуя это слово. *Расцвет*. Воистину так. Слово загудело в его душе с мощью призвания.

— И только погляди, какое процветание, — сказал он. — Это то, что может прийти только через опустошение. Прежний Саппир страшился этой формы изобилия, удерживая её в ловушке за стеной регламентированного, оупляющего порядка. Мы сокрушили этот порядок, брат, и посмотри, что возрастает у нас на пути. Посмотри на разрушение, что является также и созиданием, оцени богатство палитры того, что есть не только смерть, не только жизнь, но жизнь-в-смерти.

Разве не её принесло колдовство Тифона этому месту? Или, вернее сказать, не её ли воплощал он сам? Разрушение тоже было созидательным. Был ли этот парадокс менее несовместимым с иными вещами, определяющими суть Гвардии Смерти? Когда легион всё ещё находился в рабстве у Ложного Императора, неужели разрушения, которые он творил на своём пути, не были в действительности инструментом созидания, возводящим Империи на фундаменте из миллиардов черепов и низвергнутых грёз?

Невак присел на корточки, чтобы изучить получше умирающую пару. Склонив голову набок, он осмотрел женщину, а затем и мужчину, разглядывая поразившую их многослойную хворь. Текстура и цвета, тяжёлый смрад крупных тел, разрушающихся на благо бесчисленных меньших созданий. Едва заметная дрожь пальцев, реагирующих на копошение червей — или, быть может, это движения червяков тянули незримые нити и приводили пальцы в движение.

Невак протянул руку, подражая давешнему жесту Тифона, и заставил облака мух пуститься в пляс. Легионер медленно выпрямился во весь рост, играя с роем, и они следовали его движениям, словно именно он, а вовсе не больная пара, был источником их существования.

— Да, — произнёс сержант, и в голосе его звучала та самая нотка изумления, которую так жаждал услышать Тифон. — Теперь я вижу. Это опустошение, и это смерть.

— Как и приказывал примарх, — пробурчал Тифон, зная, что в этот самый момент восторженный Невак

практически ничего не слышит и не обратит на это внимания.

— Но это и нечто большее, — продолжил Невак, посмотрев на Тифона. — Вы назвали это даром.

— Так и есть, — согласился первый капитан. — Дар смерти и его избыток. Смерть и страдания. Смерть в её неторопливом, постепенном величии. Смерть, которая умножается и порождает жизнь разложения — жизнь, что создаёт всё больше и больше смерти. Этот дар — всеобъемлющее раскрытие потенциала смерти, самого смысла её бытия. — Тифон подталкивал Невака к порогу последнего шага, который первый капитан желал увидеть от своего подчинённого. Всего лишь маленький толчок, правильный выбор слов — и Невак примет этот путь. — И этот дар предназначен для нас. Он проистекает от богов, из варпа, и *мы* можем прикоснуться к нему. Можем распространить его, если только станем, в свою очередь, наиболее полным выражением самих себя.

Невак снова выглядел неуверенным — Тифон ожидал этого. Последний шаг будет ощущаться так, словно это прыжок в пустоту. Ему предстояло рационализировать единственный акт неповиновения. Не такое уж и великое свершение, вовсе нет. Никакого физического воздействия, если уж на то пошло. Просто сдвиг в одном из догматов веры, и даже он не будет ничем иным, кроме как принятием самого себя.

— Даже не знаю, — пробормотал Невак, колеблясь на грани.

— Ты смотрел внимательно, брат, — произнёс Тифон. — Но теперь взгляни на всю перспективу свежим взглядом. — Он раскинул руки в стороны, охватывая всю ротонду.

Невак медленно оглянулся.

Первый капитан терпеливо выжидал. Ему самому потребовалось немало времени, чтобы узреть сокрытую глубоко внутри правду. Возможно, он никогда бы этого не сделал, если бы не прикосновение божественного вдохновения.

— Смотри не только своими глазами, — мягко подсказал Тифон. — Смотри душой.

— Моя душа... — промолвил Невак.

— Узри дары варпа. Увидь их своим даром.

Невак всё ещё колебался, но бастион его сопротивления рушился.

— Так много разных болезней, — прошептал он. — Столько даров.

— Вот именно, — согласился Тифон. — Во всей популяции этого города и даже у каждого отдельно взятого человека. Удивительный расцвет, не правда ли? Большой, чем можно объяснить простой отравленной водой. — Он разжал ладонь, и мухи сели на его перчатку, словно бы возвращаясь домой. — И вся эта жизнь, возникающая из трупов уничтоженных, но не мёртвых.

— Чудо, — вымолвил Невак.

— Истинное чудо, — согласился Тифон. — Всеобъемлющее естество смерти чудесно. То же самое можно сказать и о твоём естестве, и о моём тоже.

Невак уставился на первого капитана, полностью подтверждая его былые подозрения.

— Ты псайкер, — заявил Тифон. — Как и я. — Своими словами он создавал у Невака впечатление, что тому не придётся совершать этот прыжок в одиночку — впрочем, Калас умолчал о том, что уже сделал

этот шаг, получив невероятный восторг от падения, и теперь вприпрыжку бежал дальше.

— Но приказ примарха... — начал Невак, произнося слова, которые, как он знал, ему следовало сказать, хотя Тифон мог бы с полной уверенностью заявить, что его товарищ больше не верит в них.

— Приказы изменятся, — сказал Тифон. — Я убеждён в этом. — На сей раз он задумал предоставить Неваку инструменты для обоснования, дать ему возможность послушаться, заверив брата, что в будущем это уже не будет непослушанием. — Ненависть нашего владыки Мортариона к псайкерам понятна и рождена борьбой, которую он вёл ради нашего народа на Барбарусе. Но Ложный Император издал указ против нас, и теперь остаётся лишь вопрос времени, когда примарх отступится от своей точки зрения, имея дело со всей остальной ложью. Он будет нуждаться в нас в грядущие времена, брат мой, в нас и во всём, на что мы способны. — Тифон улыбнулся окружавшему их оружию в форме сверхъестественных хворей. — Вот знак того, что должно произойти. Ты не согласен?

— Согласен. — Лицо Невака расцвело ужасающей, голодной улыбкой.

— Скажи мне, кто ты, — потребовал Тифон.

— Я — это я. Наконец-то собранный воедино.

— Чего ты хочешь?

— Хочу большего. Больше удивления. Больше распада. Ещё больше чудес изобилия.

— И ты получишь всё это. Наше существование, равно как и существование легиона — всё это часть единого славного процесса процветания болезней.

Невак расхохотался, и это был звук свежей лихорадки, охватившей зал.

Сержант Невак больше никогда не будет сражаться, как простой уничтожитель. Тифон был уверен в этом на все сто. Следующие слова брата по оружию были равносильны клятве верности.

— Куда же приведёт нас это странствие дальше, первый капитан?

— К ещё большим чудесам, братишка.

Вокруг них собрались мухи, куда более увесистые и многочисленные, чем всего лишь несколько мгновений назад. Их жужжание, более глубокое, более звонкое, звучало подобно гимну.

Заметив, как Невак переживает момент откровения, Тифон почувствовал лёгкий укол зависти. Чувство быстро исчезло, сменившись ещё одним откровением, а вместе с ним — и уверенностью в том, что истина будет и дальше открываться ему, слой за слоем, во всё более и более глубокой степени. Он уже прошёл тропю, по которой вёл Невака. И на сей раз первый капитан Калас Тифон узрел форму своей новой миссии. Он по-прежнему продолжит делать то, что приказал Мортарион. Ресурсы Ясписа перейдут к Гвардии Смерти, а Тифон узрит уничтожение этого мира.

Однако произойдёт это на его собственных условиях. И то, что он сотворил с Неваком этой ночью, должно быть продолжено. Он должен распространять обращение по всей своей великой роте, распространять, словно болезнь.

Со временем Мортарион всё поймёт и одобрит это. Со временем божественное прикосновение коснётся всего легиона целиком.

Коса обрушилась на Яспис, и к тому времени, как жатва была закончена, лезвие косы стало щербатым, грязным, гноящимся. То было оружие, которое в той же степени создало, сколь и разрушало.

«Терминус Эст» не оставил после себя почерневший, покрытый пеплом мир. Он оставил гнилой плод, потемневший и гниющий, корчащийся от мучений, принесённых изобильными дарами щедрого божества.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Поля_изобилия_/_The_Fields_of_Abundance_\(рассказ\)&oldid=22128](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Поля_изобилия_/_The_Fields_of_Abundance_(рассказ)&oldid=22128)

Эта страница в последний раз была отредактирована 19 января 2023 в 01:14.